

ЦВЕТЫ ЖИЗНИ

или родителей
не выбирают



**АЛЕКСАНДР
ЦЫПКИН**
**ЕВГЕНИЙ
ЧЕШИРК^О**
**АЛЕКСАНДР
БЕССОНОВ**
**ЖУКА
ЖУКОВА**
**АРТЕМ
ГОЛИКОВ**
**ТАТЬЯНА
ПАНОВА**

Татьяна Вадимовна Панова
Артем Викторович Голиков
Александр Бессонов
Александр Евгеньевич Цыпкин
Евгений ЧеширКо
Жука Жукова

Цветы жизни, или
Родителей не выбирают
Серия «Одобрено Рунетом»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68697636

Цветы жизни, или Родителей не выбирают: АСТ; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-153413-4

Аннотация

Самые смешные рассказы о детях и родителях от звезд Рунета! Ну откуда они такие берутся? Отцовские гены, не иначе. И Ютуб. И бабушки – этих вообще сериалом не корми, дай ребенка испортить.

И неважно, пять им или семьдесят пять. И уж тем более неважно, сколько вам. Ведь мама по-прежнему готовит вкуснее всех. А сына – по-прежнему самый умный мальчик в классе.

На курсе. В отделе. В совете директоров. Все равно без вас ничего не может, ну кто тебя учил так галстук завязывать, иди сюда, я перевяжу.

Ты руки помыл? А почему без шапки? Ладно, иди, побесись спокойно, дай яжматери передохнуть.

Содержание

Жука Жукова	6
Мамин монолог	6
Шахматист	9
Не найти себя	12
Мечта	15
Родители	17
Про людей и так себе	23
Бабушка	25
Борисхендесолярис	27
Антропологическое	31
Антропологическое-2	33
Про свинг-пати, но немножко нервно	35
Ба	38
Марионетка-кукловод	40
Свекровь с рожками	42
Классика	45
Семейное счастье	48
Про детей	51
Рождественское чудо	53
Небезопасные дети	57
Про гнид	59
Семья	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

**Александр Бессонов,
Александр Цыпкин,
Артем Голиков, Евгений
ЧеширКо, Жука
Жукова, Татьяна Панова
Цветы жизни, или
Родителей не выбирают**

© Авторы, текст, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Жука Жукова

Мамин монолог

Алло, да, Люсь. Вот сейчас слышу тебя хорошо.

Да, Славик вчера приводил. Ну как тебе сказать? Ничего такая, волосы в хвост наверху закручены, симпатичная женщина. Снизу крупноватая, ну ты знаешь, о чем я. Сейчас Слава не замечает, но видно, что со временем поползет она.

А так очень хорошая, приятная. Цветы мне подарила, герберы, ты же знаешь, у меня аллергия.

Конечно, подешевле выбрала, но тоже понять можно, кому охота тратить... тем более если надолго у нас в семье не задержится.

Правда, вина бутылку принесла. И ты знаешь, поглядывала я за ней, видимо, есть у нее предрасположенность, есть.

Славочка же за рулем, ей подливал, а она не отказывалась. Я глоточек всего сделала, остальное она. Ну что же, сама принесла, сама выпила.

А так очень хорошая. Аккуратная. После ужина посуду помогла сложить в посудомойку. Хотя, между нами, абы как накидала, побыстрее чтобы.

Ну они ушли, я переставила все как нужно. Конечно, ей ничего говорить не стала. Ты же меня знаешь, разве я могу?

Правда, в ванной, знаешь, там у меня аккуратно полотенце накрахмаленное висит для красоты, так она руки вымыла и им вытирать стала. Ну тут уже Славонька ей, конечно, замечание сделал и показал, где у нас внизу поплоче висит. Он же знает, как маме тяжело гладить-крахмалить.

Как одета, да никак, штанишки в облипочку, молодчинка, не стесняется с такими ножками, блузочка, шарфик пегий. А потом она, когда вина напилась, в жар ее, видно, бросило, она шарфик сняла, а блуза до пупа расстегнута. Вот не вру, Люсь, исподнее торчит.

Ну а что, по-твоему, Славичек на интеллект, что ли, ее запал? Да откуда там... Она бухгалтерша. Хорошая профессия, ты права – денежная, я ничего и не говорю, просто по ней и видно сразу – бухгалтерша. Я пыталась о литературе говорить, но там не тот уровень.

А так очень милая, приветливая. Знаешь, свининку я делаю по-французски. Так она мясо поковыряла, а шубу оставила. Я же вкусно делаю: маойнез, лучок, помидорки сверху, ну ты знаешь, сыр тертый.

А она говорит, «жирновато с майонезом». А Славка уплетал! Еще и добавку два раза просил. Наверное, дома его травой кормит, вот он у мамы отъедается, душу отводит. Жирновато ей! А у самой зад рыхлый.

А в общем, зря говорить не буду, девочка неплохая. «Девочка!» Сама понимаешь, ей уже под тридцать, конечно, торопится, время поджимает.

А Славика жалко... Но нет-нет, боже упаси, я не лезу...

Шахматист

У меня гостят два на редкость занудных товарища. Она психолог, а он адвокат. И у них пацан шестилетний – живой такой, на месте усидеть не может ни минуты и еще тараторит без остановки, гештальт у него ни на секунду не закрывается.

Видно, что родителям очень тяжело с ним, потому что мама все время морщится и трет виски, смотрит с мольбой на папу, «сделай же хоть ты что-нибудь...».

Пацан веселый, а у родителей с чувством юмора слабовато.

Мы вчера на природе пили пиво, и он в тубзик по-большому захотел. Мамаша снова за виски взялась, папа рассви-репел:

– Мы же только что из дома, почему ты там не ходил, как все нормальные люди. Нужно уметь контролировать свои потребности, ты ведь человек.

А я решила сопроводить парня, пока из него все дерьмо прямо тут не выбили.

Идем мы в придорожный биотуалет, он скачет на одной ножке и рассказывает, что ему ножик подарили, но папа его отобрал и в коробочку положил, и больше он терпеть не может и, по всей вероятности, не дойдет уже. Я его подбадриваю, как могу.

В итоге добегаем успешно. Я его пропихиваю без очереди,

он внутри прошмыгивает и начинает каждое свое действие комментировать:

– Вот штаны снимаю, вот уже-уже. Да точно, вот как раз. Сейчас выхожу. А нет, извините, еще тут что-то у меня. Ошибся малость, вы только подождите, без меня не уходите. Почему вы молчите, вы еще там?

В очереди смешки раздаются, я уже тоже еле держусь, но держусь. Мужики же не любят, если ржут, когда они обсираются.

Потом парень затихает и через пару секунд тоненьким голосом:

– Ой, я в дырку провалился, прямо в какашки. И застрял тут. Но вы не волнуйтесь, тут тепло.

Я в шоке, очередь катается. Я дверь дергаю, кричу, что спасу его, пусть он только не шевелится, а то утонет, а что я потом родителям скажу. Короче, выходит пацан как ни в чем не бывало, в той же белой кофточке и шортиках:

– Шучу же я, расслабьтесь. Вы бы сейчас видели свое лицо.

И хохочет. Ну и я тоже. И все вместе с нами.

Потом идем обратно, я говорю:

– Ржачный ты парень, сейчас твоим расскажем, разрядим обстановку. А то сидят там на изящном пледике, как шомпол проглотили.

А он умоляюще:

– Только им ничего не говорите, мама сказала, что, если

я еще хоть раз пошучу, они меня в шахматы отдадут с сентября.

Не найти себя

Вот, например, вы болеете. Или даже лучше – в коме. Но ничего серьезного – врачи сделали все возможное и вытащили вас с того света. Но вот только теперь у вас амнезия – ничего не помните.

Вы приходите в себя, врач сообщает, что вы поправитесь и все будет даже лучше, чем раньше.

И вдруг! В палату забегают радостный мужчина с хризантемой. Вы смотрите на него: лысоват, худой, но с пузиком, бороденка какая-то – не фонтан. Недоуменно смотрите на врача, а мужик кидается к вам:

– О боже мой, наконец-то!

Оказывается, это ваш муж, вы прожили вместе 19 лет. Он очень переживал за вас и сейчас будет помогать вам все-все вспоминать.

– Господи, ну неужели ничего?

Ты качаешь головой, пожимаешь плечами:

– А что я люблю?

– Ты? Готовить любишь. Борщ отличный делаешь, пампушки к нему печешь с чесноком.

Я? Борщ? Как-то вроде не вяжется со мной борщ...

– А еще? Я работаю?

– Да, конечно. Ты менеджер по продажам, в прошлом месяце была лучшим продавцом, тебе премию дали, Ирка

твоя обзавидовалась. Неужели и этого не помнишь? Ты бытовую технику продаешь: утюги, электрические чайники, тостеры...

Я – тостеры? НЕТ! Ведь я же балерина.

Слава богу, его прерывают, дверь в палату открывается, и вбегают два жирных парня, они кидаются на тебя с криками:

– Мамка!

– Боря, Жорик! Мама очнулась!

И у тебя в этот момент много мыслей – ты ничего не чувствуешь, но, судя по «маме», это твои увальни, и еще – возможно, тебе нужно завязывать с пампушками... Тот, который Боря, выглядит дебиловато, а Жорик весь в прыщах.

– Дети, встаньте с матери, вы же ее раздавите.

Дети охотно вскакивают, достают из кармана по телефону и начинают резаться в «Майнкрафт».

«Спасибо... заботливый он у меня. Может быть, за это я его полюбила. Ведь за что-то же должна была».

– Ну хорошо, а что мы делаем вместе?

– Вместе? Ипотека у нас вместе...

«Теперь хоть понятно, зачем он меня так рьяно из комы вытаскивал...»

– А как мы проводим время? Где бываем?

– О! Сейчас точно вспомнишь! В пятницу после работы мы едем в «Ашан». Ну вспоминай – сахарная вата для мальчиков? Ну? Сосиски «Клинские»? Нет? Ты еще очень обрадовалась, когда в магазине часы работы продлили. Иначе мы

с тобой затариться не успевали. А в субботу с утра на дачу, ну? Ивантеевка наша? Семьдесят километров по Минке!

Кстати, сейчас будешь смеяться – сливы знаешь сколько! Еле с мамой урожай сняли. Я же тебе говорил – будет много, а ты – «опадет, опадет». Моя мама пироги мальчишкам пекла каждый день. Варенья закатали! У-У-Ух! Она скоро придет – привезет, попробуешь. А да, Борю зачислили в гимназию, я все сделал, как ты сказала: конверт занес Марине Игоревне, приняли как миленькие! Хоть он все тесты завалил. Ольгу твою снова Димка поколотил. Ну она, правда, сама виновата...

Можно мне обратно?

Ничего из этого не я. Никого из этих людей я не знаю и не люблю.

И самое главное – в какой момент я перестала быть собой и впала в кому?

Мечта

У меня много идей, как и что можно улучшить. Вот, например, если взять и спросить у женщины, какого бы она хотела мужчину? Одна скажет – красивого, другая – умного, третья – богатого, жадная запросит все вместе плюс заботливого.

Чтобы вечером с работы пришла, а он тебе рад, и чай горячий с имбирем. А потом ты уютно у него в объятиях телевизор смотришь, и он еще плед подтыкает. А да, еще чтобы интересовался, как у тебя день прошел, и кивал, что босс – козел, и он бы его ушатал для тебя с удовольствием. Все об этом мечтают, только не знают, что это не главное.

Главное в мужчине, чтобы он растворялся, когда не нужен. Встретилась ты в баре с подругами, весело вам, «хей-хоп две маргариты», «а бармен очень даже ничего симпа», «ну что, девчонки, порвем танцпол!». Хорошо вам, и – нет мужчины. И не звонит никто, эсэмэс не пишет, совесть не елозит по душе: как же он там один, догадался ли борщ подогреть или прям в холодный булкой тычет. Нету.

Или корпоратив на работе. В принципе, можно и с мужьями, но смысл тогда вообще ехать? А мужа и нету, след простыл. Растаял на время, может быть, даже к маме своей уехал, молча. Я не знаю, куда делся, и мне все равно, не мое дело.

А когда усталая и все еще чуть пьяная домой возвращаюсь, раз – на кнопку секретную нажала: жди дома через полчаса, чайник кипятит, плед греет. Ну как такси.

И он снова дома и снова рад.

И с подружкой то же самое.

Вот она билеты в театр достала, вот юбку модную отдала – больше не влезает. А вот вдруг хочет мужа своего обсудить и эту его любовницу носатую, ради которой он семью бросил. И нету подружки. Исчезла. Когда повышение соберется обмыслить в дорогом ресторане – снова появится, а пока нету.

И мама тоже. Сидит с внучатами, когда ты с мужем в ресторан идешь, цветы поливает, пока ты в Риме. А вот решила покритиковать тебя – нужно меньше о работе думать и больше о семье, родительское собрание снова пропустила, у младшей сопля, а ты опять на море собралась... Ау, мама! Где ты? Не слышу тебя, только легкий морской бриз...

В век высоких технологий... Ё-мое, что, сложно, что ли?

Родители

Матрас провалился совсем. Лежишь на нем теперь, как в гамаке.

Мама сперва жаловалась, что дрянь матрасишко был изначально, да и прослужил всего двенадцать лет.

Но потом стала папе в глаза заглядывать и начинать издалека: мол, всю жизнь работали, работали, во всем себе отказывали. Помнишь, в перестройку есть было нечего. Я вот помню, как мечтала, – только деньги лишние появятся, сразу себе сосисок куплю и йогурта. Почему-то ужасно йогурта хотелось, он тогда только-только появляться стал...

К папе нужно заходить издалека, чтобы он постепенно к переменам привыкал. Совсем идеально его, конечно, к мысли подтолкнуть, что покупку нового матраса он придумал сам.

Но мама уж очень издалека начала. А считать ее намеки – все эти слегка поднятые брови, немного опущенные уголки губ – папа так и не научился.

Поэтому просто кивал и говорил, что помнит, как было тяжело, но смутно. Он профессор физических наук, и ему все эти сосисочные трудности всегда до фени были. Он каждый день сталкивался с бесконечностью... а тут какой-то йогурт.

Тогда мама решила ва-банк пойти: неужели до пенсии до-

жили, а матраса нового не заслужили? На книжке деньги копят, инфляция их сжирает, все равно пропадут, а тут матрас будет.

Но папа хотел, чтобы его не трогали и оставили в покое там, где он лежит. Провалин он не замечал, пожимал плечами и говорил: «Да вроде же все так и было».

Тогда мама пошла на беспрецедентную хитрость: под видом скорой зимы и необходимости утепляться затащила папу в магазин.

Обычно он на улице стоял и ждал, пока она выйдет с пакетами, а тут она – кис-кис-кис, или не знаю, как там это чудо произошло, – и он зашел внутрь... и случайно попал прямо в отдел новеньких матрасов.

Продавец Богдан как раз дораскладывал косынку и был готов к атаке. Он подошел к все еще ничего не подозревающему папе и стал предлагать попробовать любой:

– Вам какой больше по душе? Помягче, пожестче?

Мама была тут же, на подхвате:

– Нам пожестче, да, Борь?

Папа Боря кивнул.

– Тогда пробуйте этот.

Мама быстро забралась на кровать и поежилась, пытаясь примоститься поудобнее:

– Вроде ничего. Борь, ты сядь.

Папа сел на краешек кровати. Тоже слегка потерся:

– Ничего, да.

– А теперь ляг, потому что, когда сидишь, ничего не понятно.

Папа послушно лег на матрас.

Богдан промурлыкал, что матрас американский – сносу ему не будет. Папа резко встал:

– Американского нам не надо.

Папина лаборатория выиграла американский грант, который он называл жалкой пиндосской подачкой, потом еще этот Трамп с ракетами и санкции, так что американцы с недавних пор в семье были не в почете.

Богдан носом уловил, откуда дует ветер, и быстро исправился:

– Но отшивается все у нас, на фабрике в Подольске. Просто американцы в свое время украли наш патент.

Папа кивнул. Богдан тоже кивнул и на всякий случай запрятал айфон поглубже в «Левайс».

– А вы еще вот этот попробуйте. Немного дороже, но и разница чувствуется.

Папа помотал головой:

– Нам не надо.

Мама проворно вскочила и резво перелегла на подороже:

– Уууу... сразу чувствуется. Борь!

Папа глубоко вздохнул и попробовал:

– Да мне и этот нравится.

– Борь, все равно пришли, давай все перепробуем. Ну что мы с тобой, как неандертальцы, будем первое попавшееся

покупать. За попробовать вы же деньги не берете? – хихикнула мама.

– Конечно нет, – подтвердил Богдан и хихикнул в унисон.

– Надо все попробовать, а возьмем тот.

Папа пересел на матрас подороже. Слегка попрыгал:

– Тоже хороший.

– А ты ляг, ляг. Небо и земля. Ляг уже, хватит тут мне. –

В ход пошла тяжелая артиллерия.

Папа лег и поерзал.

– Берем этот! – констатировала мама.

– Вы еще на том не полежали.

– Он дороже?

– Нет.

– Ну и ладно тогда, а то Боря устал уже, да, Борь?

Папа ничего не ответил.

– Прекрасный выбор, – одобрил Богдан. – Сейчас оформим вам доставочку. Кровать покупать будете?

– Кровать точно нет, – сказал папа уверенно.

Мама слегка опустила вниз уголки губ, но папа лежал на матрасе и смотрел в потолок. Мама отодвинула Богдана и прилегла рядом с ним:

– Борь, вот смотри, что я подумала.

– Даже не начинай. Все!

Мама поняла, что папа начал выходить из себя, а это означало, что и матрас мог повиснуть на волоске.

Маме очень хотелось кровать! Богдану хотелось впихнуть

и кровать, и матрас, плюс как женщину он очень хорошо понимал маму. Папе хотелось, чтобы все было как раньше. Если бы он мог, то купил бы свой старый проваленный матрас за любые деньги и ушел бы из магазина навсегда.

– На нашу старую дээспэшную – и такой роскошный матрас, – с сомнением вздохнула мама.

– Нет.

– Тем более вот на эту скидка пятьдесят процентов, у нас утилизация, – вставил Богдан.

Папа тяжело поднялся с кровати, подошел к маме вплотную:

– Ты же как танк, Оля. Ты же по мне всю жизнь катаешься гусеницами своими. Послушай меня на этот раз внимательно – я сказал НЕТ!

Мама коротко взглянула на него, и папа присел. Мама начала выходить из себя, а это означало, что его жизнь висит на волоске.

– А вот теперь ты послушай меня. Если бы не я, Боря, ты бы так и жил бы в первобытно-общинном и палкой-копалкой свои черные дыры ковырял, или что ты там ковыряешь. Ретроград чертов! Богдан, оформляйте и кровать, и матрас.

Богдан с уважением посмотрел на маму и пошел к компьютеру.

– Я вам еще пять процентов от себя скину на белую экокожу.

– Борь, еще пять процентов. На белую. Экокожу. Как раз к

обоям... старым нашим не подойдет, давно хотела поменять.

– Оля!

– Ну нет так нет, бог с ними, с обоями.

Богдан посмотрел на чудо-маму и одними губами шепнул:

– Наматрасник?

Мама покачала головой и махнула рукой. Папа достал карточку.

У родителей будет новая кровать.

Про людей и так себе

Недавно у моего босса случился припадок, он побелел, начал орать и кидаться на всех с кулаками, обещал собственноручно наладить сотрудникам половую жизнь, преимущественно анальную.

И когда он ушел в свой кабинет, громко хлопнув дверью, я тихо сказала ему вслед: «Мудило!» Коллеги посмотрели на меня с осуждением: «Как ты можешь! У тебя нет сердца! Ты не знаешь, что он пережил! Мать-алкоголичка бросила его подростком, просто выставила с вещами за дверь. Он рос на Киевском вокзале, его насиловали бомжи, а воспитывали пьяные проститутки».

И ему всегда все сходит с рук. Будто он сызмальства выстрадал право быть козлом.

А я нет! Мои родители даже в этом не смогли мне помочь, они любили меня, баловали и покупали игрушки.

Так хочется, чтобы на приеме у психолога было чем козырнуть. «Помню, как мама хлестала меня в детстве мокрой тряпкой... Отца никогда не было... Зато был дядя... Дяди менялись каждый месяц, поэтому к двенадцати годам я перестала запоминать их имена... Разве что дядю Валеру не забуду никогда... Мой первый мужчина. Да, мама была шлюхой, но предпочитала формулировку – „устраивает личную жизнь, ищет вторую половину“».

Но нет! У меня были прекрасные родители, идеальные и заботливые. Сволочи. Исковеркали всю жизнь.

Если я срываюсь и ору на кого-то, то я просто избалованная сука, которая бесится с жиру, выйдя из салона своей новенькой «БМВ».

У меня нет «БМВ» (папа, мама, е-мое), а у босса есть, и не одна.

Я вынуждена быть хорошим человеком, у меня нет ни одного оправдания, чтобы быть сволочью. А у него индульгенция на всю жизнь.

Подумайте над этим, когда будете любить своих детей.

Бабушка

Я бабушке своей звонила. Она далеко живет. Ну не то чтобы далеко-далеко, восемьдесят км от Москвы, но все же тащиться к ней через все пробки. У нее день рождения был, и я всегда поздравляю: здоровья, счастья, долгих лет жизни...

Она очень радуется, даже плакать начинает, мне кажется. Но точно не знаю, носом немного шмыгает, а может быть, это просто насморк.

Благодарила меня, говорила, что многие сегодня позвонили и поздравили. Нет, никто не приезжал, но она все понимает, выходные – у всех дачи, дела свои.

Рассказывала, что тетя Света с мужем Вадиком были в лесу и нашли белый гриб огромный, сказали, жалко, что у бабушки нет ватсапа, а то бы прислали фотку. Светочка очень ругалась, что смартфона нет, говорит, что сейчас без него никак нельзя. Пообещала, что на следующий день рождения обязательно купит и подарит ей, а Вадик обещал помочь разобраться и наладить все. И бабушка смеялась, вот на будущий год будет у нее телефон сотовый, и будет она современная.

Потом про огород свой говорила долго, что розы замерзли, а сливы очень много было, но она снять ее не могла, трудно наверх залезать, и потом, куда ее девать? Мы никто не берем ни варенья, ни соленья, а может быть, я возьму? Жалко

ведь: слива пропала, теперь яблоки осыпаются. Крыша еще течет на втором этаже. Бабушка туда таз ставит, но...

Про суставы свои говорила, что, может быть, квоту дадут на операцию, она в очереди. Поликлиника хорошая очень, врач приветливый, но вот только очередь медленно движется, боится, что не успеет. И бабушка мелко смеялась.

Я молча кивала в трубку. Мне всегда грустно говорить с бабушкой. Каждый раз думаю, что нужно к ней заехать: и яблоки помогла бы снять, детей бы запустила на стремянку, они бы как тараканы все пожрали. Забор бы брат починил, а Вадик крышу...

Да и деньги нужно ей оставить, под телефон подложить аккуратно, а потом сделать вид, что ничего не знаю. Вот прямо завтра соберусь и поеду. Нужно торт не забыть купить, «Киевский» она любит. Завтра, правда, не могу, но послезавтра или лучше на той неделе в субботу, но там корпоратив на работе...

Так всегда расстраиваюсь после разговора, просто сердце не на месте. Про старость много думаю, про беспомощность...

Поэтому я ей очень редко звоню.

Борисхендесолярис

Я в каменной башне сидела на тридцать втором этаже. Какой-то проект обсуждали, и я думала, что к шести уже точно закончим. Но время идет, а монотонный бубнеж не прекращается.

И босс все время отвлекается, вроде бы по делу, а потом вдруг на рыбалку перескочит, и все сразу кивают – да, с яхты да в Средиземное хорошо, наверное...

А мне уходить нужно, уже ногой нервно дергаю, на часы украдкой поглядываю, шесть пятнадцать, шесть семнадцать... потом тихонько, чтобы никто не увидел, такси вызываю.

Думаю, пока приедет, все закончится. Я ничего не слушаю, только в деталях представляю себе, как все начнут медленно расходиться, шаркать стульями, говорить друг другу финальные шутки, а я прям четко беру сумку, пальто с вешалки, вот оно висит, я его вижу, и быстро в дверь выхожу, по коридору направо, и там лифт.

Даже прощаться ни с кем не буду, народу много, затеряюсь худо-бедно. Ну просто продуманный детальный план, все четко посекундно. Должна успеть.

А босс бубнит фоном в ухе, я машинально киваю в такт, на часы украдкой смотрю и в телефон. На экране моя машинка, белый «Хенде Солярис», едет-мчится ко мне, вот она

стоит на светофоре – давай, давай, родненькая, я жду тебя, я очень тороплюсь, и ты поторопись; вот она поворачивает на Ленинградку... до приезда осталось шесть минут, нет уже пять минут, а нет, снова шесть.

Босс рассказывает, что его младшая дочь любит «Молодежку» и смотрит захлеб уже сто тридцать второй сезон, вот и нам бы тоже что-то молодежное, такое, чтобы э-э-э-эх, чтобы его дочь бубубубубубубу чавк-чавк, Нина, можно нам всем еще кофе...

Я не хочу кофе, и сидеть здесь я больше не могу, я очень-очень спешу, отпустите меня, у меня уважительная причина, моя машинка белый «Хенде Солярис» уже ждет меня внизу.

Водитель Борис звонит снизу, телефон в бесшумном режиме, я просто смотрю на экран и грызу губу. Я знаю, что ты приехал. Сейчас я встану, сумка, пальто, прямо и направо, лифт...

И я встаю, беру сумку, подхожу к вешалке, снимаю пальто и иду к двери. У двери понимаю, что чего-то не хватает, оказывается, бубнеж замер и повис в воздухе, все с удивлением смотрят на меня. Я просто выхожу за дверь, объясняться сейчас довольно глупо.

Я жму на кнопку десять раз, в надежде, что лифт поймет – мне очень надо вниз. Я просто больше не могу стоять, и я бегу по лестнице.

Тридцать второй этаж, шестьдесят четыре лестничных пролета. Я знаю, что на лифте быстрее, но я больше не хочу

ждать, мне нужно что-то делать, бежать, перепрыгивая через ступени, пытаться успеть, только не стоять на месте.

Внизу моя машинка – «вас ожидает водитель Борис», белый «Хенде Солярис», я открываю дверь, сажусь, смотрю на Бориса в зеркало заднего вида:

– Здравствуйте, ровно в семь мой ребенок танцует на конкурсе, и, если я опоздаю, я пропущу ее первый танец.

Борис просто кивает и давит на газ. Мы несемся по вечерней Москве по выделенной полосе, перестраиваемся правее, обгоняем ползущий троллейбус, снова по выделенной. Светофор, шестьдесят четыре секунды. Пилик-пилик, Яндекс сообщает, что найден более быстрый маршрут, но Борис качает головой:

– На трешку соваться не будем, там полный мрак. Рванем через центр.

Я киваю.

«До моего выхода три номера. Ты приедешь?» Трогаемся.

Крайний правый ряд, уходим влево, слегка подрезаем черный джип, он нервно дудит нам вслед. «Извини, родной, очень надо». Снова на выделенку. Фонари мелькают перед глазами.

– Что пишет?

– Два номера перед ней.

– Нормально, сейчас на Басманную, там, если повезет, нырнем в Денисовский, а там уже... – Он чертит рукой схему, так, так, еще направо... Я кусаю губу, должны успеть.

Вот белый джип на аварийке, зачем ты тут припарковался, теряем драгоценные секунды. Светофор. Ленивый пешеход еще ползет по переходу, хотя уже горит зеленый.

– Да чтоб тебя!

«Мам, мы следующие! Ты не успеешь?»

А я уже вбегаю в белоснежный холл.

Спасибо тебе, водитель Борис, белый «Хенде Солярис». Ты самый лучший водитель в Москве.

Антропологическое

Часто сериалы начинаются с постельной сцены. Спина мужа, который елозит, елозит... и крупным планом ее лицо, ей скучно, она рассматривает трещину на потолке и ждет, пока он доерзает там что-то свое. И зритель сразу понимает, что женщина глубоко несчастна и что, когда она через десять минут познакомится с красавцем, а через четырнадцать минут переспит с ним, мы не станем ее осуждать, потому что мы на ее стороне.

И я вот подумала, что любая жизнь начинается с секса. Но любопытно, влияет ли качество секса в момент зачатия на личность получившейся особи?

Я вчера встречалась с человеком, которому скучно. Он вроде бы разговаривал со мной, а вроде рассматривал зазубрину на скатерти. Иногда тер ее пальцем, пытаюсь соскрести. Еще он мимо меня смотрел и вздыхал. Я ему что-то говорила, руками размахивала, пытаюсь хоть красным новеньким шеллаком привлечь его внимание. Но у меня такое ощущение было, что он про себя, внутри своей головы, считал. ...Триста пятнадцать, триста шестнадцать, триста семнадцать... и я подумала, что так его мама считала, когда он получался.

Я, когда смотрю на людей, то сразу понимаю, кого и как зачали.

Кто-то суетливый такой, все впопыхах, рубашка торчит из-под ремня, одна штанина случайно в носок заправилась.

Кто-то строгий, степенный, все по полочкам разложено, одежда по цветам, наглажено все по линеечке.

У других агрессивно все как-то, зло, дергано.

У некоторых все через жопу.

Кто-то тихий-тихий и почти не двигается, даже при ходьбе. Прошепчет одно слово и пугается, как будто разбудить боится.

Сама я всегда стараюсь быть радостной, счастливой и воодушевленной. Потому что я очень-очень люблю своих родителей.

Антропологическое-2

Подруга выбирает отца для будущих детей.хлопотное дело.

Не мужа! У нее уже было два, и обоих в топку. Теперь ей нужен донор спермы с приличным геномом.

Есть Виталик на работе. Босс.

Три года назад отжал бизнес у лучшего друга, с которым вместе начинали. А значит, хитрый, изворотливый и несентиментальный, что, несомненно, плюс. А также бабник будь здоров, моргнешь, а он тут же как лист перед травой и уже без штанов. Говорит «я думал, ты подмигиваешь».

Из очевидных минусов – уродство. Низкорослый, с огромным брюхом и пальцами-крючками. Лицо как скрюченная черносливка, носик, глазки, ротик, все махонькое, жирное и близенько друг к другу.

А кому нужны уродливые дети? Если случайно получились, ну куда еще ни шло. Но здесь-то своими руками получается... не руками, конечно, но вы поняли.

Есть Саша, тренер в фитнес-клубе. Брутал. Много волос в причёске, лысая грудь, здоровый. (Выкрали из личного дела его спирометрию.)

Жмет от груди.

Ну он это... как сказать... Тупой, короче. Ведет свой инстаграм. Очень не любит, когда отписываются. А когда под-

писываются, наоборот, стало быть. Хвастался, что Дима Билан его читает. Ну как читает, смотрит. Даже лайкнул один раз фото, где он с икрами. А икры у него что надо.

Тоже не вариант. Тут от профессора родишь иной раз, и то барахло по математике выходит. А уж от Саши-то...

Есть, правда, у нас и умный кандидат. В университете преподает. Высокий, худющий, пальцы тонкие. Муж общей знакомой. Давно на совместных тусовках поглядывает и потные ладони о штаны вытирает.

Забьется вечно в угол и сидит бубнит себе под нос, теоремы доказывает. Водки хлопнет и снова бубнит. А супруга его ладошку на рюмку кладет и улыбается: «Ну все-все, Дмитрию Тимофеевичу уже достаточно». Больной, наверное.

А кому нужны больные дети?

Я подумала: когда себе мужа присматриваешь, недолго думаешь.

Руки мускулистые, джинсики на попе отлично сидят, темненький, глаза голубые, что там еще? Если кубики на прессе или тачка бимер – то все, айда в кусты.

Выбирать отца будущим детям намного труднее.

Про свинг-пати, но немножко нервно

Хочу поговорить о детях.

Дети. Много знакомых у меня. Я гостила у подруги, она примерная мать и отличная жена.

Она мне про свинг-пати рассказывала. Очень любопытно. Была с новым любовником в клубе за двумя бронированными дверями, глубокие вазы на столах, полные презервативов, и куча голого народа. Вот говорит, ходят все либо в нижнем белье с подвязками, либо...

И тут подходит ее ребенок. Мальчик, пять лет. Говорит: «Можно я тебе покажу что я слепил?»

Слепил? Сейчас твоя мама рассказывает мне про групповуху, а ты весь в слюнях и в чем-то коричневом. Из чего лепил-то, кстати? Но вслух я этого не произношу, а тащусь за ним в комнату и проявляю интерес.

Подруга нас не останавливает – ребенок хочет пообщаться, это важно. Пацан ковыряет в носу, щелкает в мою сторону козявкой и показывает свои налепыши. Их, признаться, чертова тьма. Зеленые, красные, в форме какашки, да вроде бы это и есть какашки.

– Динозавры вымерли сто тысяч лет назад, – назидательно произносит он.

«Малыш, пойми, там на кухне свингер-пати с элементами БДСМ. Какие динозавры?»

Но киваю и даже улыбаюсь, потому что детей любить – значит быть хорошим человеком, а групповухой увлекаться – это спорно.

Посмотрела все, покивала, у-тю-тю ему в живот сделала и, пока он хихикал, снова на кухню смылась.

Она уже вина налила, пока меня не было, выпила и опять налила. Продолжать готова.

– На первом этаже, – говорит, – полноценный клуб: стриптиз, кабаре, все дела. А мы все, любители свинга, на втором, но программу посмотреть можем. Но, вообще-то, там не до программы. Там, – говорит, – огромное помещение, разделенное на комнаты, комнаты не закрываются, любой может зайти и присоединиться к оргии, есть тематические комнаты, с крестом, наручниками и прочими атрибутами, но вот только...

И тут ее старшая заходит:

– Хотите, я вам покажу свое выпускное платье?

Блин! Издеваетесь? Ну серьезно?

Можно не лезть ко взрослым, когда они общаются? Запомните раз и навсегда – с вами скучно, все, что вы можете мне рассказать, я уже сто раз сама пережила, и все это тупейшая тоска. Настанет вам сорок лет, попадете вы, как ваша мама, в кои-то веки раз в интересное место, про которое не стыдно поведать, – велкам. Прямо выслушаю вас досконально, даже запишу подробности. А пока – идите в жопу.

Но опять, разумеется, молча тащусь, «ой, какая вытачка,

какой люрекс!».

Пока я охала, муж подруги с работы пришел.

– Милый, ну что там у тебя на работе, ты посмотри, у нас гости, садись за стол, устал, малыш?.. – И совсем стало не до оргии.

Потом она перед выходом успела мне быстро прошептать, что в итоге в клубе все перетрахались, но без подробностей это совсем не тот эффект.

Так что не люблю я детей.

Ба

Вот у меня бабушка была. Меня родители к ней на все лето отсылали, моего мнения не спрашивали.

Она очень добрая была. Сядем рядом с ней и «Санта-Барбару» начнем смотреть, она обнимет меня и говорит:

– Вот Сиси Кэпвел, интересный мужчина, похож на нашего Игоря Алексеевича. Помнишь его? Напротив жил, на Новый год приходил к тебе, Дедом Морозом наряжался. Такой высокий, видный. Не помнишь? Ну ты маленькая была. Его потом еще машина переехала, когда он пьяный с гулянки возвращался. Ноги переломало в труху. Он еще пару дней в больнице полежал.

Маринка, жена его, к нему бегала, все плакала, как она теперь с ним, инвалидом. Но ничего, все обошлось, помер он быстро. Мы с тобой на кладбище пойдем завтра, я тебе покажу его могилку. Он прямо наискосок от Зои Михайловны лежит. Зою Михайловну-то помнишь?

Я не помнила, хотя кивала в надежде, что она избавит меня от подробностей, но...

– Зоя Михайловна, покойница, прямо на свой день рождения умерла. Вроде врачи сказали, что сердечный приступ. Ее детишки мигом прискакали и квартиру делить начали. Ее едва в гроб успели положить, а они уже адвокатов понанимали и резню устроили.

А когда она после приступа шесть дней мертвая в квартире пролежала, никто не спохватился. Соседи вызвали милицию, когда труп стал разлагаться. Представь, дверь открыли, а она зеленая вся... Мне потом подружки ее подробно рассказывали на похоронах.

А дети ей надгробный памятник поставили, она всегда о сером мечтала, чтобы в тон все было, а они ей, представляешь, черный! Вот ведь не повезло с детьми. Я тебе покажу завтра, ты ужаснешься. Хотя муж ее Петр Сергеевич рядышком положен, у него как полагается все сделано, но это Зоя сама все делала, видно, что с любовью. А Петр Сергеевич сам годом раньше ушел. Там вообще все смешно получилось...

Ты чего дрожишь? Не температура ли у тебя? Не дай бог! Тьфу-тьфу-тьфу. А то вот у Ирины Андреевны на даче с внучкой знаешь что произошло...

А вчера с детьми ужастик смотрели, гробы там, труп, бензопила, кровяца литрами, а они говорят:

– Что-то не страшно совсем.

Не страшно им!

А я от «Санта-Барбары» ссалась лет до пятнадцати.

Марионетка-кукловод

Мою подругу повысили, денег добавили, но и обязанностей, разумеется. Она теперь кто-то очень крутой по западноевропейскому региону, плюс перелеты бизнес-классом. Очень счастлива была, десять лет к этому шла, как пчела Майя. Шампанского вагон поставила, и еще мы дротики швыряли в портрет ее заместителя – хлыща Макса. Она прямо в глаз ему засандалила с пяти метров. Макс на эту должность метил, но подруга победила.

Конечно, у нее семья есть (муж Паша и сын Сережа), талантливый человек – талантлив во всем. Подруга с семьей все обсудила, дела у Паши сейчас идут неважно, он режиссер, но пока снимать не может, просто не готов опускаться в российское говно по плечи. Ждет. Она не против. У нее хорошо получается пахать, а он отличный отец. Паша тоже очень за.

– Ну что, Сереж, отпустим нашу маму? Пусть развеется и отдохнет от нас?

И Сережа кивает.

– Паш, я не отдыхать еду. Работать!

– Я это и имел в виду, просто шучу.

В общем, она едет. А Пашка с Сережкой остаются – два мужика в доме.

И вот она до Вены долетает, только руку к телефону про-

тягивает, чтобы домой позвонить и рассказать, что прилетела, а в фейсбуке мужа уже фоточка. Он на ручках с Сереженькой гуляет в парке на детской площадоньке. «Пока наша мама колесит по Европам, мы с сынулей...»

И пять лайков.

Ну она заселилась, поужинала, а перед сном телефон снова «пилик-пилик». А там видосик: Паша варит сосиску грустному Сереже. Десять лайков и комментарии: «Бедненькие, приходите завтра в гости, я пирожков напеку...»

Она на совещании с утра, а сердце не на месте. «Наша мамочка развлекается с австрийцами и мы не хуже!» И фотография Сереженьки на фоне плаката с муравьями. А у Сереженьки рубашка неглаженная, и зачем-то зимние меховые ботинки напялили...

Дальше обещанные пирожки у недавно разведенной Светки: «Мы с сыном очень скучаем по нашей мамуле... Но эти пирожки... ммм... это что-то».

И мать-одиночка Ира со своей сопливой Катькой на детской площадке фоном. «Привыкаем жить одни. Мамуля, оторвись за нас по полной...»

Короче, отказалась она от повышения и домой прискакала, теперь хлыщ Макс в Европе, а она счастье свое караулит.

Свекровь с рожками

Я не люблю Аню, она все делает лучше меня. Аня – это жена другого сына, а я жена сына, которому не повезло. Он младшенький, и ему вообще как-то меньше достается счастья, но виной всему я.

Я не то чтобы сразу догадалась, просто мне годами давали понять, а я понятливая.

Аня мелко режет салат, я тоже стараюсь, но у Ани все равно лучше.

Аня такое не надела бы, потому что у нее хороший вкус. Даже скорее изысканный.

Аня не пьет! Ну, может, бокал красного коллекционного, но редко и для гемоглобина. И дома у нее – кра-со-та. Потому что даже подушки вышила своими руками. И там и небо, и церковь, и даже пруд – все сама, потому что руки откуда надо.

А я только пиво открываю (даже глазом могу), но это никого не впечатляет.

И Аня меня не любит. Я для нее муха – тьфу и вытер. Иногда пересекаемся на семейных праздниках – она богиня, смотрит сверху. Я пыталась отношения наладить, но она мне в нос все свой салат пихает. Идеально нарезанный. Хвастается и превосходит.

Нет, не люблю, и не просите.

А тут свекровь наша в больницу угодила. Ой, там все страшно – тяжелейшая операция, ужас-ужас, «если я не выйду из наркоза, возьми, Аня, столовое серебро из фамильного» – круговая подтяжка лица, в общем!

Мы с Аней к ней в палату, каждая по апельсину, языками цокаем, сочувствуем как подобает.

Потом прощаемся, уходим, только дверь в палату закрываем, и тут Анька вдруг пополам складывается и на пол оседает.

– Ой, – ржет, – не могу! – и свекровь пародирует: – «Предстоит тяжелая реабилитация... не знаю, как справлюсь... Господи, только пережить бы, сыночков своих еще хотя бы раз увидеть...»

В общем, по всем признакам Анька ведет себя как человек. Я в шоке. Она слезы вытирает, поднимается и говорит:

– Да расслабься хоть на минуту.

А я глазами моргаю. Она плечами пожала, снова неприязнью меня обдала и так сквозь зубы мне:

– Пойдем выпьем, что ли? Отметим?

– Ты же не пьешь.

– Как это я не пью? Я еще как пью, а вот ты не пьешь, тебе нимб надо держать обеими руками. Ты же у нас святая! Рядом с тобой и дышать нельзя...

– Со мной дышать нельзя? Это ты у нас принцесса и вышиваешь крестиком.

– Я крестиком? Да я позор семьи, а ты критиковала мой салат...

И буквально через полчаса и ноль семьдесят пять «Посольской» все встало на свои места.

Анька вообще зачетная, шесть лет упустили, а могли бы дружить. Если бы не кое-кто с обвислым овалом лица и рогами на макушке.

Классика

На фортепианном концерте была, но речь не об этом.

Сзади меня парочка сидела – мать и сын. Самые мерзотные на свете создания, какие мне только встречались в жизни. А я уж, поверьте, повидала.

Помните мультфильм про Дюймовочку, там персонажи были жабы – мамка и ее сынка. «Ну все, поспали, теперь можно и поесть...» Вот как раз эти сидели сзади меня.

Уродский мальчик все время шелестел оберткой печенья, а его мамаша под Сибелиуса громким шепотом говорила:

– Запивай водичкой, Славочка, запивай, не всухомятку чтоб.

И он отвечал в полный голос:

– А скоро кончится? Мам, отдай планшет.

Когда я обернулась, грозно свела брови, она развела руками и сказала:

– Ребенок, кушанькать хочет.

И сынка продолжил жрать.

Потом сынуля громко сказал:

– В туалет хочу.

(Очевидно, писинькать.) И стал пробираться к выходу посреди Второго концерта Рахманинова. Я покрылась пятнами ненависти, и мне стало не до классики.

Вот так откроете вы однажды дверь, а ваша Дюймовочка

привела в дом Славика:

– Мам, ну чего ты? Ты посмотри, какой он няша, и реснички у него длинные. Темненький! Я же обожаю темненьких, и тем более Козерожек.

И ты запустишь этого козерога в свой дом. А за ним и его козерожья мамаша подтянется.

И когда вы поедете в аэропорт провожать молодых в свадебное путешествие, она ринется к багажнику, Славику наперерез, с криками:

– Оставь чемодан! Я сама! – А вам скажет: – Господи, я не понимаю, как Славочка это все выдерживает. Вы извините, но надо что-то делать. Вы видели, что он чемодан тяжёлый тащит, а ваша в сумочке копается. Ему же нельзя тяжёлое, у него же миопия!

А потом вы позвоните дочке, а она в слезах:

– Как отдыхаем? Да никак, мама. ЭТА все время звонит, они по шесть раз на дню созваниваются, какой-то маразм. А потом просит меня к телефону и лечить начинает: «На солнце Славику нельзя, ему вредно. В ресторанах его не корми, ты же знаешь, у него неправильный обмен веществ, я же ему все на пару, да тушененькое». Мам, я не могу больше.

А потом жаба-мать придет к вам на Новый год и будет с осуждением смотреть на ваших пьяненьких, но веселых и успешных подруг и шептать, как «Славик устает на работе, сколько же можно на нем ездить. А домой приходит, а там не накрыто и не наложено»... И кивнет на телик, который по-

дарит вам ваша Дюймовочка, ее недавно повысили до замгенерального.

А тут еще этот Рахманинов, и как я взбесилась, и как повернусь к ним, и как зашиплю Славику:

– Если ты не угомонишься, я тебе эту шуршащую бумажку в жопу затолкаю.

И отпустило меня как-то. Все же классическая музыка расслабляет.

Семейное счастье

У меня новый заказ на семейное счастье. Но мне ничего не пишется сегодня. Банальностей не хочется, а романтика не лезет в голову. Вообще-то, у меня много друзей, которые счастливы в браке. Я решила просто по телефонной книжке пройтись для вдохновения.

Примерно так получается.

Андрей и Настя А., вместе больше двадцати лет, очень крепкая семья. Живут дружно, недавно дом отгрохали. Он деспот, а она терпит. Хотела быть врачом, но он не позволил, очень ревнивый. Один раз я к ним в гости зашла и мы заболтались, давно не виделись. Вдруг она на часы взгляд поднимает, бледнеет и к холодильнику бросается. Трясущими руками овощи чистит, бормочет, что сейчас Андрей с работы придет и скандал устроит, он очень не любит, когда непорядок.

Женя и Глеб А. Пятнадцать лет вместе, растят сына-геня, он победитель всего чего только можно, гордость родителей. Хорошая семья. Но Женя ненавидит Глеба, ненавидит давно, аж до тряски. У нее даже настроение меняется, когда он домой со своей тухлой работенки приходит. Глеб жуткий жлоб, просто редчайший. Но они уже так давно вместе, что бросать все и расходиться даже не приходит в голову. Слава богу, их спасает то, что они почти совсем не общаются.

Леша и Таня А. Хорошая пара, вместе лет десять. Леша – душа нараспашку, все время его куда-то тянет – то в горы, то просто выпить. Таня ему изменяет с каким-то придурком. Но не с одним, а все время с разными. Тане страсти нужны, она то влюблена, то только что рассталась. А муж – это стабильность, его она тоже любит, особенно когда любовники ее бросают.

Лада и Сережа А. Сережа очень православный, посты держит, но Ладу не заставляет. У них хорошие отношения. Только Ладе не очень нравится, что он «импотенто-скорострел». Говорит, что постами прикрывается, чтобы проблему не решать. Вроде бы как большую часть года он под официальным прикрытием православной церкви. Она ему сначала намекала, а потом плюнула. Она цветы делает из специального пластилина. Красиво выходит.

Рита и Матвей А. Матвей – программист в крутой компании, так бы и сидел с компом в пыльной комнате, если бы Рита сама его не нашла, из угла не выцарапала и не отряхнула пыль с ушей. Матвей рад, что у него есть Рита и сыновья. Наверное, рад, он редко разговаривает и никогда не показывает свои чувства. Рита с любовью называет его: «Моя сса-енькая тряпочка» и целует в плешину.

Миша и Галина А. Класные оба, дружная семья, у них даже фотография в фейсбуке одна на двоих. Он держит ее на руках, а она смеется, сзади стоят три их дочери. Миша Гале изменяет. Он такой толстенький и веселый, барышни

его просто обожают. Он всегда показывает всем своим любовницам фотографии жены и детей, очень гордится своей семьей.

Маша и Эльдар А., четверо детей, выглядят счастливыми, но они мусульмане и не пьют, так что правду никак не выведать.

Никто особенно не вдохновляет, но это пока только на «А» семьи.

Про детей

В детстве я мечтала, что, когда вырасту, мешочек себе заведу холщовый, буду в нем варить лук и морковку, а потом вынимать это все и выкидывать прямо в мусорку, чтобы ни одна ошметка от лука случайно в суп не попала! Теперь я выросла и заставляю детей есть мерзкие вареные овощи.

Потом еще «двойка» не получалась. Все время выходила кривая головка и длиннющий змеиный хвостяра. Мама заставляла писать снова и снова, а я плакала, мама ругалась и предлагала взять себя в руки. Я это просто ненавидела, меня же нужно было жалеть. Была бы я взрослая, всегда бы деток жалела. И обнимала, и конфетки давала.

А сейчас я такая:

– Иди и пиши! Старайся! Не получается? А что ты сделала для того, чтобы получилось? Ах ты работала? Значит, мало работала! Без труда не вытянешь рыбку из пруда. Запомни, только труд всему основа, честный труд людской!

И ноги! Еще ноги, когда пробираешься по сугробу, как первопроходец в Арктике, и снег тебе в сапоги набивается, ужасно леденит, а потом таять начинает... Потом дома ноги на батарею кладешь, иголки-иголки, так что дрыгаешь ногами – и приятно и неприятно одновременно.

А теперь:

– Я же просила по снегу не ходить, ты опять заболеть хо-

чешь? Тебе мало того, что в школе за всю четверть всего неделю ходи...

Выросла.

Рождественское чудо

Мы только к дому подходим, а у меня уже холодок по спине. Как в фильмах ужасов, зловещее что-то... хоть и Новый год. Снежная поземка, ветер воет в переулках... секундная стрелка на часах медленно, но оглушительно громко отсчитывает последние мгновения...

Я умоляю жену вернуться, пока не стало слишком поздно, но она беспечно смеется, подталкивает меня к двери: «Ну что ты такое говоришь, глупый. Пойдем, мама ждет».

– Ох ты ж, посмотрите, кто пришел почти под бой курантов. Шучу. Шучу, Гена, давай свое «Цимлянское», раздевайтесь. Понимаю, дочка, некогда тебе, ты даже в праздники работаешь и диссертацию пишешь. Мама – Медуза Горгона, главное, не смотреть ей в глаза, только глянул – все, ты покойник – плаваешь зеленый и разбухший в море унижения.

Ты же не пишешь диссертацию и работаешь этим...

– Как его, дочка, напхни еще раз, кто у нас Гена, а то Светлана Алексеевна спрашивает, я все запомнить его должность не могу? А! Фрилансер! Прямо запишу себе. Что, дочь? Это не должность? Ну так я знаю.

Я к противоядию тянусь. Черт, уже пустая! Сердце стучит, в ушах вата.

Жена встает и идет на кухню:

– Я принесу тебе еще!

Нет! Не уходи! Не оставляй меня здесь одного...

– Еще?! Ген, это третья!

И она нунчаками в воздухе крутит, мастерство бесшумного боя демонстрирует. Но Лиля грудью кидается на мою защиту:

– Ну, мам!

Уходит за пивасом.

И это все?

– Что «мам»? – кричит мама в сторону кухни. – Встретила соседку, помнишь, наискосок на пятом? Так у нее дочь спилась. Говорит, с мужем за компанию. Он пил, и она рядом, чтобы ему меньше досталось.

Но Лиля не слышит, она еще на кухне.

Черкашом по уху просвистело, почти не больно, увернулся.

– Так что ты думаешь? Этот гаденыш завязался и как огурец – развелся, новую себе нашел, ребенка родил, а дочь-пьянчужка к матери в двушку вернулась.

Лиля ахает и прижимает открытую бутылку пива к груди.
«Да дай же мне!»

– А я ей говорю, еще хорошо, что у тебя двухкомнатная квартира, а у меня-то однушка!

Не успел увернуться – по голове с налету. Кровь медленно стекает со лба, заливает глаза, капает на скатерть.

Лиля задумывается...

Мама вытирает окровавленные нунчаки, улыбается, лов-

лю ее многозначительный взгляд в отражении в бутылке.

Звонок в дверь, долгий, пронизывающий... леденящий душу. Из коридора тянет холодом и безысходностью.

– Смирницкие пришли! И с ними сын. Сережа со «Вдовой Клико», скотина. Лилин бывший.

А так хотелось еще пожить.

И мы все вместе за столом. Ждем речи президента. Сережа надевает боксерские перчатки:

– Ген, кем работаешь?

– Писателем.

– Кем? Извини, уши заложило после самолета, я же прямо с конференции, из Ниццы. С корабля на бал, как говорится. Вы были с Лилей в Ницце?

Хук справа.

– Нет, но Гена был в больнице... – хихикает мамуля.

Апперкот.

– А что ты, кстати, написал?

– Гена еще ничего не написал, но он пишет, – Лиля, жена, выбегает на ринг для робенькой поддержки.

– Что-то очень гениальное, судя по срокам. (Снова мама.)

– Писатель – это круто! Если хочешь, могу поговорить с нашими рекламщиками, возьмут тебя в штат.

И тут Лиля с ноги под дых:

– Гена, это будет грандиозно! Ой, Сереж, а ты правда можешь? Это удобно?

И снова мама с косым снизу:

– Конечно, удобно, Лиля, Сережа ведь начальник. Босс. Лиля наклоняется к Сереже и теребит его за плечо. Тот улыбается:

– Да ладно, какой босс. У нас все демократично в компании. Тачку новую вот взял, «ламборгини».

Ну ты ее еще тыкни своим хреном, посмотрим все вместе, что моя жена упустила.

Мама добивает:

– И у Гены тоже импортная. Как ее... каршеринг.

Все ржут. И Лиля тоже. Нокаут.

Под бой курантов все чокаются, загадывают желания, целуются... Лиля обнимает меня и целует в губы:

– С Новым годом, любимый! Желаю твоей жене богатого и знаменитого супруга.

Смеется. Она инфицирована, ее не вернуть.

– С Новым годом, любимая!

И мама улыбается, глядя на нас:

– Голубочки мои, на Рождество у нас! Тем же составом.

Гена, не спорь. Это традиция!

Ужас сковывает мое сердце.

– Иди ко мне, зятек.

Я чокаюсь с мамой, она клюет меня в щеку. Зажмуриваюсь и тихо внутри себя ору: НЕТ!

За неделю до Рождества мама упала и сломала ногу.

И это есть настоящее рождественское чудо.

Небезопасные дети

Мы с другом сидим в аэропорту. А мой друг очень любит детей. Но не так, как вы подумали, а просто любит детей. По-настоящему.

Ну в смысле играть там, бегать за ними, искать. Не то что они прячутся от него, а он их ищет в темном лесу. «Аууу, детишки, папочка пришел за вами, смотрите, что у папочки есть...»

А просто.

Короче, не знаю, как объяснить, просто любит, и все.

У него и своих куча, он и их тоже любит. Не трахать, пошлые же вы людишки. Не трахать. Просто любит, так же как многие мужчины любят детей. Тьфу, да ну вас.

Раньше как было – люби себе и люби. Даже приветствовало. Теперь все же пятьсот раз нужно оговориться. Времена нынче странные пошли, не все в состоянии сразу понять, что ты там любишь, и главное, с какой целью.

И вот мы сидим в аэропорту, а рядом чужие дети бегают. Мама их сидит напротив спящая. А дети с моим другом играют. Он там им что-то заливает, глазами вращает, говорит, идите сюда, я вам на телефоне что-то покажу. А я, вместо того чтобы радоваться – друг искренне любит играть с детьми, как то стараюсь.

Хотя казалось, детей же вообще никто искренне не лю-

бит. Так, улыбнутся им искусственной улыбкой обычно, чтобы вокруг не думали, что вы черствые, и давай стюардессе на ухо шептать: «Отсадите этих упыренышей мелких, они мне в спинку кресла ногами долбят, или дайте им феназепаму, иначе я за себя не ручаюсь».

А этот играет, рычит что-то там на них, дети заливаются, хохочут. А когда дети кому-то рады, они сразу норовят этому человеку на колени заползти.

А я думаю, сейчас мамаша проснется и как давай на весь аэропорт нас сумкой своей молотить и мальчикам своим жопки прикрывать ладошкой.

Ну фиг я знаю какая она? Сижу сама и норовлю парней носком ботинка отодвинуть от друга своего аккуратно (потому что не только любить, но и бить детей тоже нельзя) – идите к себе туда, к маме своей, играйте там сами.

А они на меня шипят и меня не любят, а друга любят и к нему на колени заползают.

Так устала опасаться и стараться быть добропорядочной гражданкой, что ушла в туалет. До конца рейса тут посижу, а там, глядишь, может, дети сами собой рассосутся, но, может, и сумкой.

Про гнид

Подслушивала разговор детей под видом – я хорошая мама, я вам пончиков принесла и не заметила, что в бутылке с мартини поверх этикетки было, а теперь на доньшке.

Арсений рассказывает, что у него мама ничего такая, терпимая. Потому что терпит все время. Говорит, орет с кухни:

– Сенечка, а никто не хочет маме помочь посуду помыть?

Как будто сама не знает ответа. Но он встает, идет на кухню – бац, а там уже все вымыто. И мама вздыхает:

– Ничего же не прошу, в кои-то веки раз и... Все, поздно уже, не надо мне от тебя ничего, пока тебя дождешься, самой проще сделать... ладно, отдыхай, сынок...

И так, говорит, каждый раз, такое ощущение, что она меня зовет уже после того, как сама все сделает, чтобы потом с грустным лицом языком пощелкать.

Все ржут.

Маринка рассказывает, как мама после обновки каждый раз по полчаса ее выспрашивает:

– Нуууу... Ну скажи, что девочки сказали про твои новые кроссовки? Все попадали, да? Ну скажиии... Да ладно, внимания не обратили, обзавидовались, наверное, молча. Какая еще мама такие дорогушие своему ребенку покупает? Только твоя мама. Да?

Снова ржут.

Саша говорит, что мама зовет ее сладкопопой булочкой, вечером придет в комнату без стука и как давай обнимать-тискать, как же она соскучилась, так бы и съела, рrrrrr.

Ровно, говорит, пятнадцать секунд, это прям ее рекорд, сама засекала. Потом вскакивает, начинает по комнате ходить, то плед сложит, то куда-то нос засунет, фуууу скажет, вытащит, как фокусник, откуда-то чашку или фантик (в кармане, что ли, с собой таскает) и заведет свое муму:

– Че-как в школе? Что там контрольная?

И ровно через минуту я уже не сладкопопая булочка, а ленивая задница, которая жопу свою не поднимет лишний раз.

Дальше я была обнаружена и выгнана к чертям, но в целом и так все ясно.

Гниды неблагодарные.

Семья

Каждый год разговоры о том, что приготовить на Новый год, начинаются как минимум за месяц. Я всегда за утку. Брат лоббирует свинину. Мама робко просит готовить только закуски: «Ребята, не нужно ночью наедаться, салатиков легких побольше наделаем, я пирог испеку...» – но мы строго осаживаем ее: «Мы не будем наедаться, но в доме обязательно пахнуть по-новогоднему».

- Уткой с яблоками! – ору я.
- Фиг тебе! Пап, давай буженину.
- В прошлом году была буженина!
- Не ври! В прошлом году была утка, потому что ты расплакалась, как лялька, и папа тебя пожалел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.